

БОРИС ЖИТКОВ

12 коп.

ПОД ВОДОМ

1936

WZ 43

БОРИС ЖИТКОВ

де 74

ПОДВОДОЙ

РИСУНКИ
Н. ТЫРСЫ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
 МОСКВА 1930 ЛЕНИНГРАД

59

Д. 22. Гиз № 32584/л.
Ленинградский Областлит № 36831.
3/4 л. Тираж 25000.

642710 рег-оц

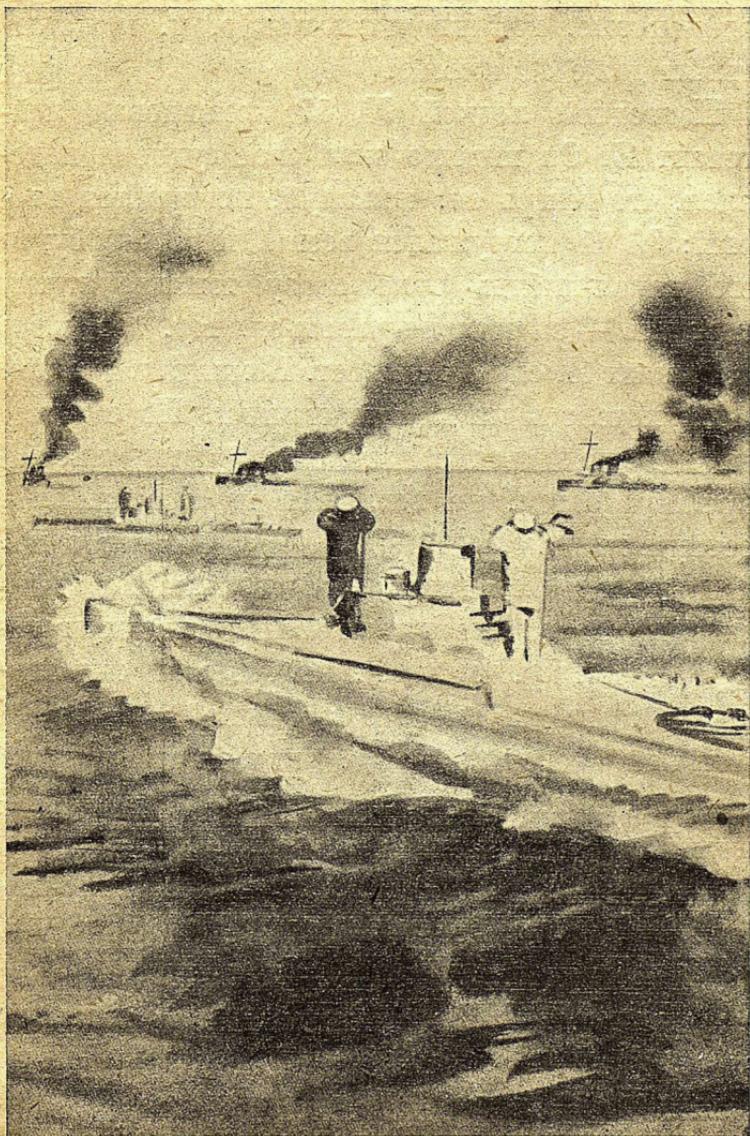
Российская государственная
детская библиотека

ПОДВОДОЙ

Был ясный солнечный день. Эскадра, состоявшая из двух дивизионов миноносцев и дивизионов подводных лодок, вышла на маневры в море. Легкий ветер и веселая зыбь. Совсем по-праздничному. С головного миноносца давали сигналы, и суда перестраивались. Сигнальщики, на обязанности которых разбирать и передавать сигналы, во все глаза в бинокли наблюдали за мачтой головного судна, чтобы не пропустить сигнала. А там то и дело подымались и опускались сигнальные флажки. Подводные лодки шли, выставив свою серую спину из воды, как морские чудовища. Как сердце, глухо стучал внутри каждый дизельмотор. Сегодня всем было весело, даже кочегары на миноносцах, наглухо закупоренные в котельном отделении, как в коробке, чувствовали веселое

напряжение и, хоть не видали, что наверху делалось, знали, что что-то удалое затевается и уже никак нельзя подгадить, и все бойко шевелились в жаркой атмосфере кочегарки, по минутно поглядывали на манометр: не упал бы хоть на иоту пар. На подводных лодках все было в еще ббльшем напряжении: каждую минуту ждали приказаия погрузиться в воду, и каждому командиру хотелось это сделать на виду у всей эскадры первому. Люди стояли по местам. Вот-вот прикажут под воду — дизель-мотор надо остановить и пустить в ход электрический мотор, ток для которого запасен в аккумуляторах; задраить наглухо входной люк и выставить из воды перископ — длинную трубку, этот глаз подводной лодки: через нее из-под воды можно видеть все, что делается на поверхности. Вдали на горизонте едва обозначался силуэт крейсера: там адмирал, он наблюдает за всеми движениями эскадры, следит, правильно ли суда выполняют то, что им приказано сделать.

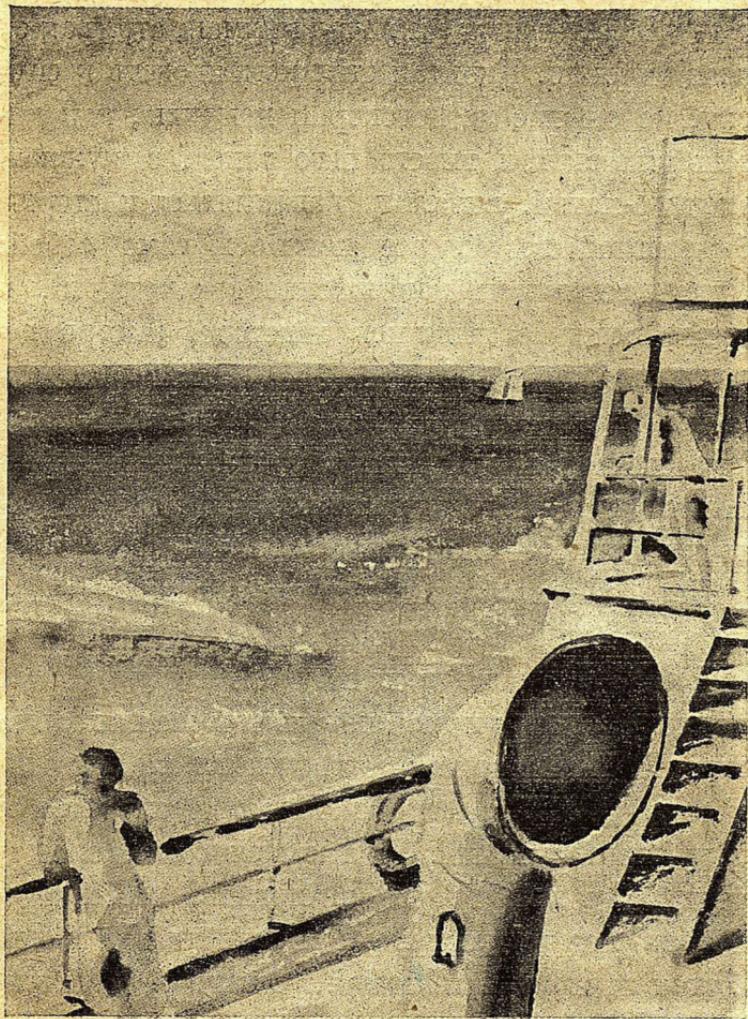
Все чувствовали, что дело идет пока превосходно: суда перестраиваются быстро и точно, совсем как солдаты на ученьи, держат правильные расстояния, все идут одной скоростью, все

одинаковые, как игрушки новые, и, кажется, дымят даже одинаково.

Подводной лодкой № 17 командовал лейтенант Я. Он хорошо знал свое судно и надеялся, что теперь он, пожалуй, погрузится вторым; № 11 погружался всегда так, как будто его какая-нибудь рука сразу топила, жутко смотреть — за ним не угнаться. Ну, а другим лейтенант Я. спуска не даст. Команда как один. Всем хотелось не дать промашки. По сигналу надо погрузиться и атаковать адмиральский крейсер, затем, не всплывая на поверхность, вернуться в порт. А завтра будет отчет о маневрах, и целый день можно гулять, ходить к знакомым в городе и рассказывать про эту веселую прогулку. Мичман, не доверяя сигнальщику, сам тоже смотрел в большой бинокль на мачту главного миноносца, ожидая условленного сигнала. Механик со своими машинистами напряженно ждал команды сверху. Все было так натянуто, что, кажется, чихни теперь кто-нибудь громко, и все дружно стали бы переводить лодку в подводное состояние.

— Ну что? Есть? — спрашивал лейтенант каждый раз, когда новые флаги появлялись на главном миноносце.

— Не нам, — вздохнув, отвечал мичман.

— Есть! — вдруг закричал мичман, отрывая от глаз бинокль. Капитан стал командовать к спуску, но он еще не договорил команды, как дизель уже стал, и вместо него запел, зажужжал электро-мотор, уже стали наполняться цистерны балластной водой, все делалось само собой: спустился курок напряженного ожидания, и руки, которые томились наготове, быстро делали свое дело.

Вот уже под водой и на столике под перископом шатается на качке мелкая веселая картинка моря, бегущих миноносцев, а вон, как точка вдали, — адмиральский крейсер.

Нет, хорошо идут нынче маневры — всем было весело и радостно.

Вот уже близко крейсер. Теперь надо убрать перископ и итти по компасу в том же направлении. Перископ виден; он торчит все же из воды, и от него, как усы, в обе стороны расходятся от ходу тонкие волны. Уже подойдя ближе, надо только на минуту его выставить, чтобы проверить свое движение, потом подойти как можно ближе и выпустить мину... конечно, учебную, холостую.

Кажется, все удалось. № 17 взял по компасу

обратный курс и пошел к порту. Теперь опять поставили перископ, и ясный день снова заиграл на белом столике.

— Ну, молодой человек, поздравляю, — сказал пожилой минный офицер мичману. — Первые маневры, не так ли? Чего на часы смотрите? Уж ждет вас кто-нибудь на берегу? — и он лукаво погрозил пальцем.

Мичман покраснел и улыбнулся.

— Нет, на что это в порт под водой? — продолжал минер. — Шутки шутками, а курить до смерти хочется. Далеко еще?

— Я считаю, что уже не больше часу, — сказал мичман и посмотрел на свои часы-браслет.

Справа виден был невдалеке перископ другой подводной лодки. Она понемногу обгоняла. Мичман завидовал и каждую минуту смотрел на часы.

— Ну, скажите, — приставал минер, — сейчас на берег, белый китель, и на бульвар! Не терпится?

Мичман отвернулся, но видно было, что улыбался.

Лейтенант сохранял спокойный деловой вид. Его тоже разбирало веселье удачи и радовал

веселый вид под перископом, но он сдерживался, чтобы казаться солиднее.

Его интересовало, каким он опустился: вторым или опоздал. Он уже думал, что ничего, если и третьим.

Но вот он, порт. Прошли в ворота. Впереди на якоре торчит всем корпусом из воды порожний коммерческий пароход. «Тут пятьдесят футов, пароход сидит не больше двадцати. Есть где пройти под ним», подумал лейтенант. «Эх, убрать перископ и поднырнуть под пароход». Веселость вырвалась наружу. Перископ убран, рулями дали уклон лодке вниз и потом стали подыматься.

Но в это время сразу ход лодки замедлился. Все пошатнулись вперед. Лейтенант вздрогнул. Минер вопросительно на него взглянул.

— Сели на мель? Так ведь? — спросил он лейтенанта.

Рули были поставлены на подъем, винт работал, а приборы показывали, что лодка на той же глубине. Лейтенант вспомнил, что тут в порту глинистое липкое дно; понял, что лодка своим брюхом влипла в эту вязкую жижу. И как ногу трудно оторвать от размокшей глинистой дороги, так лодке теперь почти невозможно

оторваться от дна. Лейтенант все это соображал, и как он теперь раскаивался, что решился, поддавшись веселости, на этот мальчишеский поступок! Он приказал выкачать воду из всех цистерн. Мичман хотел показать, что он ничего не боится, и весело ходил смотреть исполнено ли приказание лейтенанта. Но вся команда понимала, что дело плохо, и сосредоточенно исполняла приказания. Лейтенант смотрел на приборы.

Ну хоть бы что двинулось. Приборы показывали ту же глубину.

«Надо попробовать раскачать лодку, — думал лейтенант, — пусть вся команда перебегает из носа в корму и обратно. Может быть только чуть-чуть в одном месте держит ее эта липкая донная грязь».

Команда стала перебегать из носа в корму и обратно, насколько это позволяло внутреннее устройство лодки, загороженное приборами, аппаратами. Лодка медленно раскачивалась, и лейтенанту представлялось, как липкая глина держит в своем цепком гнезде круглое брюхо лодки, и лодку не оторвать от глины, как не разнять две мокрые пластинки стекла.

Стали раскачивать с борта на борт. Лодка не-

много переваливалась. Старались угадать такт, чтобы во-время поддавать, как раскачивают качели. Но и это не помогло. Лейтенант смотрел на приборы, и все по его лицу читали, что дело не подвинулось ни на волос.

— Мы еще, быть может, больше закапываемся, — мрачно проворчал механик.

Лейтенант ничего не ответил. Он, нахмурясь, смотрел вниз, что-то усиленно соображая. Все ждали и смотрели на него. Он чувствовал эти взгляды и напряженное ожидание, и это мешало ему спокойно соображать. Он как будто видел сквозь железную обшивку лодки эту липкую полужидкую глину, которая присосала дно судна; хотелось выскочить наружу и выручить судно хоть ценой своей жизни. Он повернулся и ушел в свою каюту, приказав остановить мотор.

Механик посмотрел сам на приборы.

— Над нами всего двадцать пять футов воды, — сказал он.

Все молчали. Слышно было, как шлепает сверху колесами пароход. Казалось, он толкется на месте.

— Буксир идет, — шопотом сказал один матрос.

— Покричи им, — пошутил кто-то.

Все ждали капитана. А он сидел у себя, в своей крошечной каютке и не мог сосредоточить своих мыслей. Он все думал о том, что из-за его шалости все эти люди погибли, что нельзя даже крикнуть «спасайся, кто может», потому что никто не может спастись, все они плотно припаяны ко дну этим глинистым грунтом и не могут вырваться из железной коробки. Эта мысль жгла его и туманила разум.

Ему было бы легче, если бы весь экипаж возмутился, если б на него набросились, стали бы упрекать, проклинять, а лучше всего если б убили.

А весь экипаж собрался около рулевого управления, изредка шептались, коротко и серьезно. Мичман все посматривал на часы, но теперь не понимал уж, который час.

— Сколько времени? — спросил минер.

Мичман снова взглянул на браслет.

— Четыре часа, — сказал он, но так напряженно спокойно, что все поняли, как он боится.

— Ну еще на час... — начал было механик. Он хотел сказать «на час хватит воздуха», но спохватился, боясь волновать команду. Но все

поняли, что если не спасут их, если не найдут и не вытащат, то вот всего этот час и остается им жить.

Тяжелый вздох пронесся над кучкой людей.

— Что ж капитан? — с нетерпеливой тоской сказал механик. Он раздражался и терял присутствие духа.

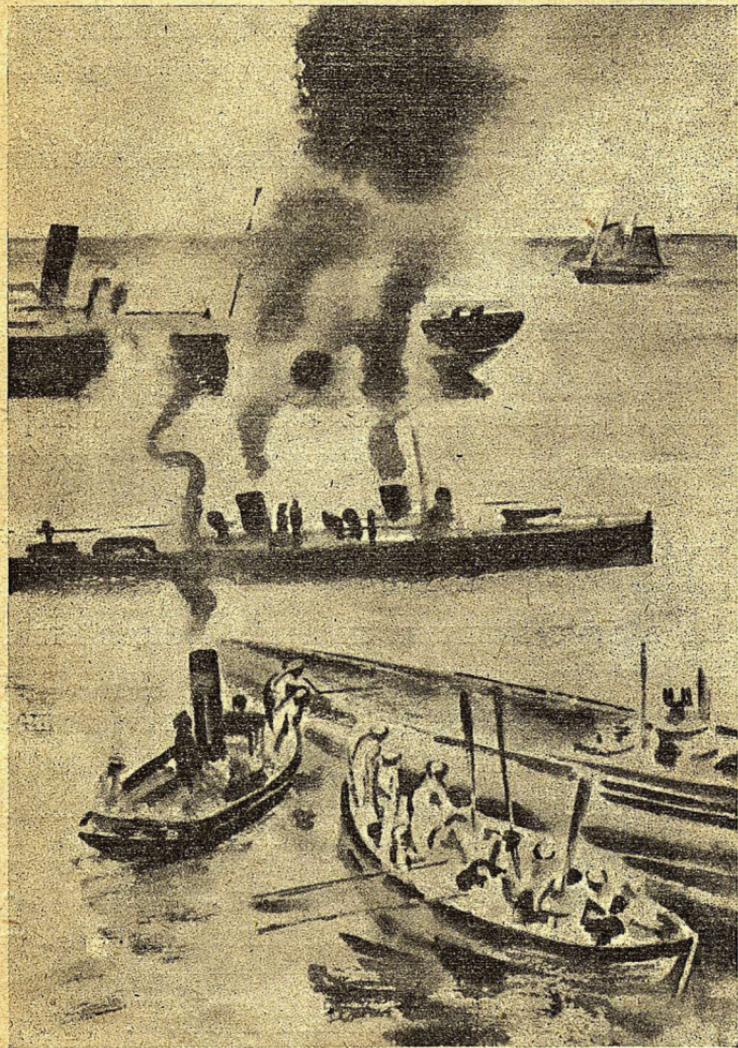
— Ну что капитан? — сказал задумчиво минер. — Что капитан? Что он может сделать, капитан?

Мичман стоял, красный, опершись о переборку, и все смотрел на свой браслет, как будто ждал срока, когда придет спасенье.

— Ведь мы через час задохнемся. Эй вы, — раздраженно сказал механик по-английски и дернул мичмана за руку, — пойдите скажите капитану, что остается час, идите сейчас же.

Но в это время сам капитан показался в проходе. Он был бледен как бумага, и лицо при свете электрической лампы казалось совсем мертвым. Его не сразу узнали и испугались, откуда мог взяться этот человек. Только черные глаза жили, и в них билась боль и решимость.

Все смотрели на него, но никто не ждал приказаний, все забыли об опасности, глядя на это лицо.

— Я пришел вам сказать, — начал капитан, — что я, я виноват во всем. И не по оплошности, а по шалости, вы сами это знаете, поднырнул — не надо было. Убейте меня.

Он держал за ствол браунинг и протягивал его рукояткой вперед.

— Что вы, что вы! — раздались голоса из команды, — еще, может спасут! А не то уж вместе как-нибудь.

Капитан с минуту глядел на команду твердыми, горящими глазами. Затем круто повернулся и пошел назад. Мичман побежал вслед за ним.

— Капитан, не беспокойтесь... — начал было он.

Но в лице капитана не было беспокойства.

— Вот возьмите, — сказал он, передавая мичману судовой журнал, — и пишите дальше.

— Приказаний никаких?

— Я советую людям лечь и не двигаться, тогда на дольше хватит воздуха. Может быть дождутся помощи, нас хватятся. Берегите воздух. Пишите, пока будет можно. Ступайте.

Мичман вышел и передал распоряжение капитана. Все молча разошлись и легли.

Мичман сел за стол, раскрыл журнал.

«... 20 июня 1912 года в 2 часа 40 мин. по полудни, прочел он написанное рукой капитана, я, лейтенант Я., командир подводной лодки № 17, из мальчишеской шалости, вместо того, чтобы обойти стоящий в порту пароход, нырнул под него и, не успев подняться, сел на липкий грунт, чем и погубил 13 человек экипажа. Для спасения пытался...» Затем шло описание попыток раскачать лодку и замечание, что команда вела себя героически, не упрекнув его ни словом и не выйдя из повиновения.

«4 ч. 17 мин., написал мичман, принял журнал от лейтенанта Я. Команда лежит по койкам».

«4 ч. 29 мин. над нами быстро прошел винтовой пароход».

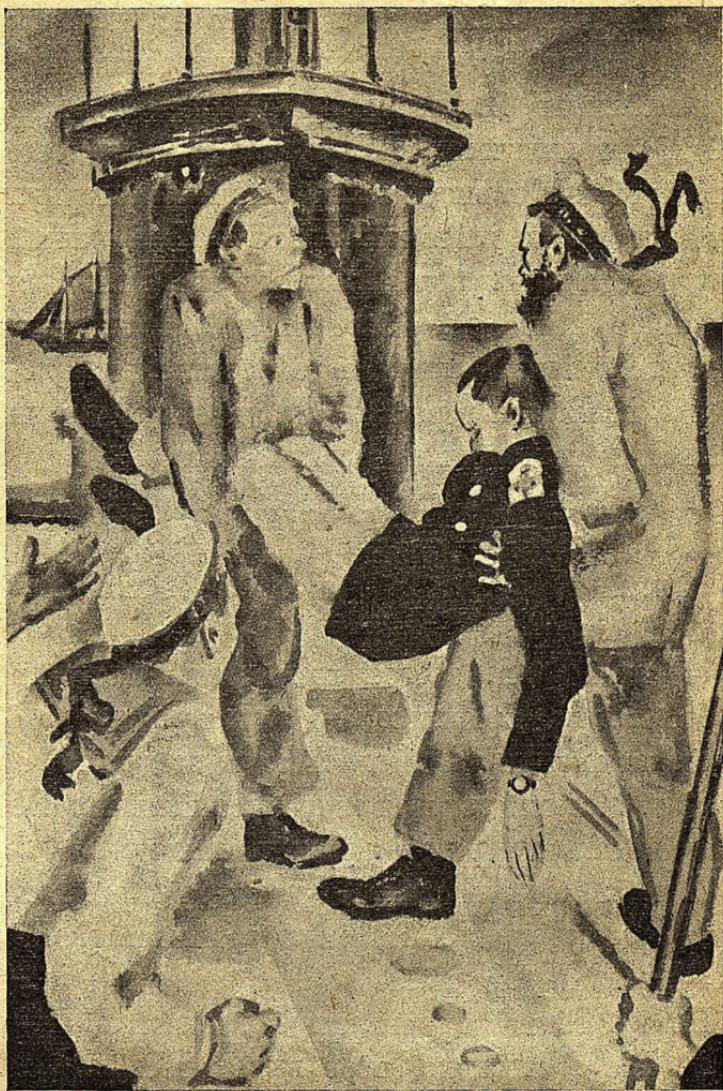
«4 ч. 40 мин. застрелился лейтенант Я. в своей каюте. Прилагаю его записку:

«Я не имею права дышать этим воздухом».

«5 ч. 10 мин. задохся машинист Семенов. Не могу писать и передаю журнал минному...»

«5 ч. 12 мин., писал минер, что-то скребнуло по корпусу судна. Команда задыхается. Не могу встать. Что-то...».

Но тут запись прервалась неровным росчерком внизу; очевидно, перо вывалилось из рук писавшего.

1892

А наверху два миноносца тащили по дну проволочный канат, концы которого были привязаны к их кормам. Железная петля тянулась по дну и шарила подводную лодку. С торгового парохода сказали, что видели перископ справа, потом он исчез и снова не показался. Сказали, когда уж по всему порту разнеслась весть, что № 17 с маневров не вернулся.

Миноносцы быстро шарили по всему порту, другая партия искала в море по пути эскадры, пока не дали знать с торгового парохода. Миноносцы бросились в указанное место, все знали, что каждая минута может стоить жизни людей. На миноносце закричали, когда увидали, как натянулся проволочный канат, задев за лодку. На берегу толпа с напряжением следила за работой миноносцев и радостно загудела, услышав крик. Канат вывернул лодку из ее липкого гнезда, и она всплыла на поверхность. Спешно заработали мастеровые, раскупоривая этот железный склеп. Врачи бросились спасать: все уже было приготовлено. Не привели в себя только троих, среди них и мичмана. Странно было слышать, как часы все тикали на мертвой руке.

786
№ 1036

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ЧИТАЙТЕ КНИЖКИ В. ЖИТКОВА

ПРО СЛОНА

Рисунки Н. Тырсы

Стр. 16.

Ц. 10 к.

Рассказывается о том, как слон работает, ухаживает за детьми, слушается своего хозяина. Книжка хорошо иллюстрирована, прекрасно передает разные моменты из жизни слона, хорошо даны природа и климат южных стран.

ПРО ОБЕЗЬЯНУ

Рисунки Н. Тырсы

Второе издание

Стр. 24.

Стр 20 к.

Рассказ из жизни маленькой обезьянки в семье одного мальчика-школьника. Ее проделки и проказы, которые заставили мальчика унести ее из дома.

Покупайте книги во всех магазинах и отделениях Госиздата

60 =

